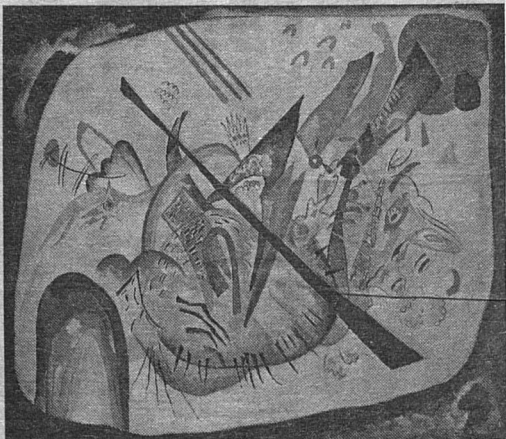

...В 60-е годы автор брошюры «Искусство в оковах», изданной Академией художеств СССР тиражом 40 000 экземпляров, сообщал читателям: «Многие помнят, что еще в течение 1930-х произведения «родоначальников» абстракционизма висели в залах Третьяковской галереи. Но настоятельные требования широких масс зрителей заставили убрать творения Малевича, Кандинского, Ларионова в запасники»

ЗИМОВКА КАРТИН КАНДИНСКОГО В МОСКВЕ

«В мутном-то оно и сидит»

Василий Кандинский умер в окрестностях Парижа в возрасте 78 лет, за полгода до окончания Второй мировой войны.

На рубеже XX века он учился в Мюнхенской Академии художеств и показывал работы на московских выставках, путешествовал по городам Австрии и Италии, был в Голландии и Тунисе. В Германии Кандинский участвовал в создании художественного общества «Фаланга» и знаменитого «Синего всадника». Автор живописных абстракций, он окончательно покинул Россию в начале 20-х и с тех пор преподавал в «Баухаусе» в Веймаре, издавал свои теоретические работы в Мюнхене и Амстердаме, участвовал в выставках в Нью-Йорке, Брауншвейге и Люцерне, принял сначала немецкое, затем французское гражданство...

Всемирно известное имя Кандинского долгое время было в отечестве почти под запретом. Помню, как в детстве, уже в середине 70-х, в библиотеке художественной школы на тогдашней Кропоткинской улице удалось раздобыть его книгу «Текст художника. Ступени», изданную в 1918 году Отделом ИЗО Наркомпроса и чудом сохранившуюся где-то на стеллажах этой бывшей гимназии Поливанова. Строки, написанные по старой орфографии, завораживали:

«Солнце уже низко и достигло той своей высшей силы, к которой оно стремилось весь день, которой оно весь день ожидало. Немного продолжается эта картина: еще несколько минут — и солнечный свет становится красноватым от напряжения, все краснее, сначала холодного красного тона, а потом все теплее. Солнце плавит всю Москву в один кусок, звучащий как туба, сильной рукой потрясающий всю душу. Нет, не это красное единство — лучший московский час. Он только последний аккорд симфонии, развивающей в каждом тоне высшую жизнь, заставляющий звучать всю Москву подобно fortissimo огромного оркестра. Розовые, лиловые, белые, синие, голубые, фиштакшковые, пламенно-красные дома, церкви — всякая из них как отдельная песнь, — бешено зеленая трава, низко гудящие деревья, или на тысячу ладов поющий снег, или allegretto голых веток и сучьев, красное, жесткое, непоколебимое, молчаливое кольцо кремлевской стены, а над нею, все превышая собою, подобная торжествующему крику, забывшего весь мир «аллилуйя», белая, длинная, стройно-серьезная черта Ивана Великого».

Стихи художника были похожи на заклинания:

«Шире расставь руки.

Шире. Шире.

И лицо твоё прикрой красным

платком.

И может быть, оно еще вовсе

не сдвинулось:

сдвинулся только ты сам.

... Вот это-то и плохо, что ты

не видишь мутное:

в мутном-то оно и сидит».

В эпоху рассекреченных ротапринтов юношам, обдумывающим жите, уже не требовалось переснимать труды, посвященные подлинным основам изобразительного искусства, стареньким «ФЭДом» и воспроизводить их на фотобумаге «Унибром» Шосткинского химкомбината. Тем не менее постоянная экспозиция «новой» Третьяковки на Крымском Валу года три назад открывалась «без Кандинского» — как, впрочем, и Шагала, — по совершенно иным причинам. Просто имя автора «Смутного», «Дам в кринолинах», а также «Точки и линии на плоскости» в свете новых обстоятельств оказалось в числе способных собрать валютную выручку в международном арт-прокате.

«Гастроли» живописных и графических произведений Кандинского расписаны надолго вперед, и это в который раз обрекает молодые поколения на знакомство с его искусством по репродукциям. Впрочем, в нынешнем сезоне столичные музейщики сумели добыть передышки в этом марафоне; результатом стала выставка в стенах ГТГ на Крымском Валу «Диалог живописи и музыки. Арнольд Шёнберг — Василий Кандинский».

Главное, чтобы зрителей не ввела в заблуждение идея кураторов: главный акцент экспозиции — на имени легендарного композитора. Пусть авторы выставки сто раз правы в том, что масштаб живописного дарования Василия Кандинского равен атональным достижениям именитого австрийца. Представлен-то он все-таки живописью, а не звучащими в залах «Плясками вокруг золотого тельца»!

В оправдание затеи дальше должно бы следовать описание «скрещений судеб». Начало переписки в январе 1911 года и последовавшая личная встреча, что убедила музыканта и художника во взаимной приязни. Тогда же — участие четырех картин Шёнберга в первой выставке «Синего всадника»...

Попытки реконструировать круг художников этого альманаха предпринимались и раньше, но теперь, в отсутствие иных экспонентов из числа французских, немецких и русских авторов, несопоставимость масштабов именно живописных дарований оказалась особенно заметна — тем более что небольшой показ Кандинского в последний момент оказался подкреплен не вошедшими в каталог экспонатами из нижегородского, тульского, тюменского и краснодарского музеев.

До конца зимы здесь останутся и ранние этюды, писанные в Германии, и «Озеро» (1910), и «Смутное» (1917)... Так что спешите видеть.

● Сергей САФОНОВ

На иллюстрации — В. В. Кандинский «Белый овал». 1919.